

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-5-17-30>

*Aghayev Yusif Shukur,
military historian from Azerbaijan*

STRATEGY OF THE NOMADIC WORLD OF THE EURASIAN PLAINS (FROM ANTIC TIMES TO THE LATE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIMES)

Abstract. The article is devoted to the study of the strategy of nomads inhabiting the Eurasian plains for millennia, namely, raids and invasions carried out by nomads against neighboring tribes and people. Mainly, the offensive and defensive strategies of nomads are studied.

Keywords: strategy, offense, defense, raids, invasions, nomads, tribes, clashes, skirmishes, conflicts, Eurasian plains, Great Steppe, steppes.

*Агаев Юсиф Шукур оглы,
военный историк из Азербайджана*

СТРАТЕГИЯ КОЧЕВОГО МИРА ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ (С АНТИЧНЫХ ВРЕМЕН ДО ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ)

Аннотация. Статья посвящается исследованию стратегии кочевников, населяющих Евразийскую степь на протяжении тысячелетий, а именно, набегам и нашествиям, совершаемыми кочевниками в отношении соседних племен и народом. Исследуются основные виды стратегических действий номадов – наступление и оборона кочевников.

Ключевые слова: стратегия, наступление, оборона, набеги, нашествия, кочевники-номады, Евразийская степь, Великая степь, степи.

«Стратегия эпохи феодализма, так же, как и в предшествующую эпоху, решала задачи строительства вооруженных сил, определяла цели и виды военных действий, состав войск и районы их сбора, пути и способы движения к намеченным объектам, направление сосредоточения основных усилий в войне, вопросы взаимодействия армии и флота... Основными видами стратегических действий остались наступление и оборона» [1, 19]. Такая классическая формула определения стратегии в академиях Вооруженных Сил многих современных стран. Она характерна для государств оседлых народов периода античности и феодализма. В этой статье попытаемся обозначить и проана-

лизировать основные направления стратегии, общие для многих кочевых племен, населяющих на протяжении многих столетий и тысячелетий пространство от берегов Тихого океана до Восточной Европы, называемого Евразийской степью или Великой степью. Какова же была военная стратегия степных народов, населяющих Евразийские степи на протяжении столетий и тысячелетий? К сожалению, до наших дней дошли лишь отрывочные сведения и записи летописцев из числа оседлых народов, соседствующих с номадами. И чаще всего, эти сведения были неблагоприятного характера о соседях-кочевниках, так как эти оседлые народы подвергались частым нападениям

со стороны своих соседей-номадов. А сами степные народы оставили после себя отдельные письменные памятники, такие как Орхонский и Онгинский, немногочисленные устные легенды и сказания и множество материальных ценностей, в том числе и оружия, которые археологи находят в результате многочисленных раскопок захоронений степняков.

Согласно определению немецкого военного теоретика XIX века Карла фон Клаузевица «тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, стратегия – учение об использовании боев в целях войны» [2, 67]. Что же тогда такое война? «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника вытолнить вашу волю... Война есть не что иное, как расширенное единоборство», – пишет Карл фон Клаузевиц [2, 13]. Так вот война была перманентным состоянием кочевых племен. Древнекитайский летописец II в до н.э. Сыма Цянь в своей рукописи «Ши цзы» («Исторические записки») так описывал хунну: «Хунну (сюнну) открыто считают войну своим занятием» [3, 34]. Римский историк, живший на рубеже I–II вв.н.э., Луций Аней Флор так характеризовал поведение сарматов: «У них нет ничего, кроме снегов, изморосей и лесов. Такое варварство, что они даже не думают о мире» [4, 88]. Римский историк IV века Аммиан Марцеллин в своём труде «Римская история» так описывал гуннов: «Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов» [5, 539]. Арабский историк первой половины IX века Абу Усман Амр ибн Бахр ал-Джахиз в своей рукописи «О достоинствах тюрков и остального халифского войска» так описывал тюрков: «Тюрки также являются кочевниками и направляют все свои усилия лишь только на завоевания, набеги, искусство верховой езды, единоборство богатырей, добычу трофеев и покорение земель» [6, 93]. В X веке император Византийской империи Константин Багрянород-

ный в своем трактате «Об управлении империей» так описывает печенегов: «[Знай], что пачинакиты (печенеги) стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб» [7, 37]. Китайский путешественник XIII века Чжао Хун в своём трактате «Мэн-да бей-лу» так описывал татар: «Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади; они сами собой учатся сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проводится на охоте» [8, 620]. Как видим, на протяжении тысячелетий жизненная философия населяющих Великую степь кочевых племен практически не менялась. Кочевые племена параллельно с занятием отгонным скотоводством вели постоянные войны между собой и с соседними оседлыми народами из-за скота и добычи либо за обладание новыми пастбищными территориями. Между различными кочевыми племенами войны возникали как из-за добычи, так и из-за старой вражды, основанной на кровной мести, стремлении отомстить за обиду. «Иной раз, будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву», – писал Аммиан Марцеллин о гуннах [5, 539]. И когда побеждало более сильное племя, оно либо истребляло побежденных, либо присоединяло оставшихся в живых к себе, тем самым ассимилируя их. Так, согласно древнекитайским летописям, шаньюй хунну Моде (Маодунь) отдал по требованию правителя кочевого племени дунху своего любимого коня и свою любимую жену, пояснив на военном совете своего племени, что нового коня и новую жену можно найти, и из-за этого не стоит развязывать войну, хотя и то и другое составляли честь мужчины-воина. И когда в очередной раз вождь племени дунху потребовал часть земли, на которых кочевали хунну, шаньюй Моде на военном совете приказал всему племени садиться на коней и идти вместе с ним на войну против дунху, пояснив, что земля племени хунну не может быть подарком для кого-либо, и кто был не согласен с ним – тут же отруб-

ли ему голову. В результате внезапного нападения шаньюй Моде разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа дунху и захватил принадлежащий им домашний скот [3, 39].

Предлогом для похода кок-тюрок в 551 году под командованием Бумын-кагана против кочевников-жужаней послужил оскорбительный отказ жужаньского кагана Анахуаня породниться с правящим домом Ашина, к которому принадлежал правитель кок-тюрок. В результате начавшейся войны жужани были разгромлены и в большей части физически истреблены. Оставшиеся в живых жужани были взяты в плен [9, 394].

То же самое происходило в тоже время на другом конце Евразийской степи – на западе. Согласно древнегреческим и ассирийским источникам, скифы, победившие киммерийцев, заселили их территории в Северном Причерноморье на западном берегу Азовского моря в IX–VI вв. до н.э. [10, 19]. Согласно рукописям древнегреческого историка I в. до н.э. Диодора Сицилийского сарматы, в свою очередь, истребили скифов, забрав в плен женщин и детей, угнав скот и завладев их землями [4, 89]. Император Византийской империи Константин Багрянородный в своем трактате описывает как огузы отвоевали у печенегов их земли вокруг реки Волга, оставшиеся в живых печенеги либо откочевали далее на запад в Причерноморские степи, либо присоединились к огузским племенам [7, 155–157].

С оседлыми народами все было проще. Войны с ними кочевники вели чаще всего из-за добычи. Угнанных в полон чаще всего брали не для обращения в домашних рабов, а для выкупа или обмена. Так описывает это в своей рукописи Анна Комнина о войнах своего отца императора Византийской империи Алексея Комнина в XI веке: *«Между тем, скифские (в данном случае печенежские и огузские) военачальники решили умертвить захваченных пленных, однако народ не позволил им этого сделать, так как желал продать пленных за деньги. Когда такое постановление было принято,*

Мелиссин письмом известил о нем императора» [11, 213].

Самым простым видом наступательной операции кочевников был набег. *«При разработке стратегии наступления в масштабах театра военных действий приходится выбирать между наступлением широким фронтом, которое может позволить себе только очень сильный, и наступлением на узком участке, дающим возможность победить даже слабому, если он сосредоточит свои силы»*, – считает американский исследователь Эдвард Люттвак [12, 189]. Набег был наступлением на узком участке, где номады сосредотачивали свои основные силы. Набеги различались по длительности, расстоянию и составу участников. Характерно, что Аммиан Марцеллин в своей рукописи подчеркивает роль набегов как способа ведения войны сарматами: *«У этих племен (сарматов и квадов) больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны»* [5, 129].

Набеги имели целью не столько физическое уничтожение противника, сколько захват добычи и демонстрацию военной мощи с целью последующего установления даннических отношений. Лучше всего это положение отражено в диалоге советника шаньюя хунну Чжунхан Юэ с ханьским послом: *«Ханьский посол, не говори лишнего, заботься лучше о том, чтобы шелковые ткани, шелковая вата, рис и солод, которые ханьцы посылают хунну (сюнну), были в достаточном количестве и непременно лучшего качества. К чему болтать? Если поставляемого будет в достатке и лучшего качества, то на этом все кончится, но при нехватке или скверном качестве, осенью, когда созреет урожай, мы вытопчем ваши хлеба конницей»* [3, 47]. Как видим, это диалог далеко неравноправных сторон и угроза совершения очередного набега в случае неисполнения либо несвоевременного и некачественного исполнения даннических обязанностей.

Идеологическим обоснованием такого «права войны» служили оформившиеся в среде кочевников взгляды на вооруженный грабеж как

престижное и почетное дело. Как писал арабский историк Абу Усман Амр ибн Бахр ал-Джахиз: «Тюрк предпочитает довольствоваться тем малым, что достается ему силой, чем получить целое царство из милости. Тюрку кусок не идет в горло, если пища добыта не на охоте или в набеге» [6, 86]. Герой Онгинской надписи, состоявший в войске кок-тюрок, так описывает набег (поход), совершенный в 720 году: «Я достиг города Камыла (Хами), там остановился, взял добычу; их (китайцев) войско пришло. Я рассеял всех их людей (пленил их). Их бег бежал. Китайцев я разбил, разгромил, уничтожил, рассеял» [9, 415].

Основной целью набега, как сказано выше, был грабеж местности и населения. И если сарматы, по мнению А. К. Нефедкина, при совершении набега на чужую территорию рассыпались на мелкие группы и действовали на широком фронте, т.е. совершали нападения на поселки и людей, а при приближении армии противника отходили к основному отряду, где находился предводитель, и, создав боевой порядок, готовились к битве [4, 92–94]. Половцы же единой ордой сначала быстрым набегом проникали в глубь страны, а затем, развернувшись назад в степь, грабили, угоняли и захватывали добычу, которая попадалась им на обратном пути [4, 92]. Монголы же отправляли вперед передовых «застрельщиков», функция которых проводить «фронтную» разведку и при этом никого и ничего не грабить. За ними шло основное войско, которое забирало все, что попадалось ей на пути [13, 45].

Поскольку главной целью набегов был захват добычи, после которого кочевники возвращались в свои степи, то от них, т.е. набегов, государства оседлых народов порой откупались. Так, египетский фараон Псамметих I в 625 году до н.э. «дарами и просьбами» откупился от скифов, совершивших поход на Египет [10, 49]. Или же после битвы под Пинчэнем в 201 году до н.э. император Китая Гао-ди откупился от шаньюя хунну Моде (Маодунь), выплатив последнему всевозможные

подарки и подношения [3, 42]. После разгрома китайских войск кок-тюрок в 721 году император империи Тан Сюань-цзун сразу же принял мирные предложения правителя кок-тюрок Бильге-кагана, выплатив ему большую дань и всевозможные дары [9, 415]. После получения даров набег на какое-то время прекращались. По прошествию определенного промежутка времени, когда добыча заканчивалась, кочевники вновь совершали свои набег.

Помимо захвата добычи набег также повышали военное мастерство кочевников, были своеобразной школой для молодых воинов, проявлением их воинской доблести. Диалог героев огузского эпоса XI–XII веков «Китаби Деде Горгуд» тому подтверждение: «(Молодой воин) Экрек спросил: «Ответь мне, Терс Узамыш, разве головы рубить, кровь проливать – это доблесть?» Тот ответил: «Да, доблесть» [14, 111].

Организация набегов была разнообразной. Набег велись как небольшими группами добровольцев-смельчаков, так и многочисленными вооруженными отрядами племени, а порой и целой армией кочевников. Успех такой операции достигался внезапностью, высокой мобильностью и слаженностью войск, наряду со строжайшей дисциплиной.

Так войску хунну удавалось совершать глубокие и длительные рейды вглубь китайского государства, нанося противнику невосполнимый урон при минимальных потерях своих воинов: «На 14-м году правления ханьского императора Сяо-вэня (166 году до н.э.) сто сорок тысяч всадников хуннского (сюннского) шаньюя вторглись в уезд Чжаона и за заставу Сяогуань, убили воеводу округа Бейди по имени Ан, захватили великое множество народа и скота, затем подошли к Пенъяну. Отсюда они выслали летучий отряд, который захватил и сжег дворец Хуйчжун... Шаньюю, пробыв в ханьских землях более месяца, двинулся назад. Ханьские войска преследовали его, пока он не ушел за границу, затем возвратились обратно, никого не убив» [3, 47].

Как было сказано выше, успех набега достигался внезапностью и высокой мобильностью кочевников, слаженностью и строжайшей дисциплиной в войсках. Внезапность – это половина успеха на войне. Так, шаньюй хунну Моде (Маодунь), усилив бдительность правителя кочевого племени дунху, отдав ему по его требованию своего лучшего коня и свою любимую жену, внезапно напал на него и наголову разбил последнего: «Маодунь сел на коня, приказал рубить голову каждому в государстве, кто опоздает явиться, двинулся на восток и внезапно напал на дунху. Дунху, пренебрегавшие до сих пор Маодунем, не принимали мер предосторожности. Поэтому, когда Маодунь во главе войск совершил нападение, он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил принадлежавший ему домашний скот» [3, 39].

Либо описание внезапных набегов сарматов Аммианом Марцеллином: «Квады с сарматами, племена, отличавшиеся особой умелостью в деле грабежей и разбоев, распространяя все шире и шире круг своих набегов, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь грудам пепла от сожжённых селений, страданиям убитых жителей, и без всякой пощады избивали последних, нападая на них врасплох» [5, 504].

Кроме того, успех в набеге достигался высокой мобильностью номадов. С точки зрения стратегического уровня театра военных действий географические расстояния, которые либо осложняются за счет естественных препятствий, отсутствия необходимых припасов (начиная с воды), либо, напротив, сокращаются за счет хороших дорог и мостов, а также достаточного количества припасов по пути следования, создают стратегическую глубину, защищающую тех, кто подвергся вторжению, – в той мере, в какой эта глубина не преодолевается благодаря мобильности людей, телег и грузовых повозок считает американский исследователь Эдвард Люттвак [15, 54]. Высокая мобильность кочевников по преодолению географических расстояний в ходе военных опера-

ций достигалась в том числе и тем, что номады собирались в поход на нескольких лошадях, т.е. имели запасных (так называемых заводных) лошадей. «Они (т.е. сарматы) проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля или бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет ещё на поводу запасную лошадь, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстановить их бодрость», – писал Аммиан Марцеллин [5, 129].

Или как описывал китайский путешественник Чжао Хун: «У каждого человека (т.е. татар), по выступлению в поход, имеется несколько лошадей, на которых он скачет поочередно, по одному дню; поэтому лошади не изнуряются и не гибнут» [8, 621].

Согласно исследованиям Эдварда Люттвака, вьючные мулы и лошади могут двигаться со средней скоростью около 3,5 мили, т.е. 5,2 км/ч, если они идут очень правильными колоннами по легкопроходимой местности. Но вьючная лошадь или мул в состоянии нести груз лишь в 152 фунта, т.е. в 69 кг, а один вол, запряженный в повозку, может везти 400 фунтов (181 кг); в повозку же, запряженную четверкой волов, можно загрузить 1 тонну (короткую), равную 2000 фунтов (907 кг). Десять таких повозок могли заменить собою 130 вьючных лошадей. Однако волы передвигаются значительно медленнее, их максимальная скорость при лучших условиях составляет 2,5 мили (4 км) в час, и они не пройдут за день более 20 миль (32 км), т.к. им нужно минимум 8 часов пастись и ещё 8 часов, чтобы пережёвывать жвачку и отдыхать. Поэтому экспедиционные силы Византийской империи, например, едва ли могли преодолеть более 15 миль (24 км) в день по ровной местности. Гунны же обладали значительно большим преимуществом в подвижности сравнительно со своими более оседлыми противниками. Хотя у них тоже были повозки на конном ходу для своих семей и пожитков, их военные силы, как и военные силы других степных культур, основанных на коневодстве,

даже на значительных пространствах передвигались со скоростью верховой лошади, а не телег или повозок, т.е. до 50 миль (80 км) в день при благоприятных условиях. Гунны ходили на своих премирников-степняков, что подтверждается многими свидетельствами, и они тоже ездили с огромными табунами в отличие от обычных конников, располагающих единственным конем (в лучшем случае ещё одним, запасным). Часто меняя лошадей за долго до того, как те успеют устать, распределяя поклажу легкими порциями на нескольких лошадях, а то и на дюжину или даже больше, всегда оставляя ещё предположительно двух запасных лошадей без всякого груза, многочисленные орды гуннов могли двигаться по удобопроходимой местности со скоростью в тридцать, сорок, а то и пятьдесят миль в день в течение нескольких дней подряд. Вследствие этого их преимущества на уровне стратегии театра военных действий были огромны. Гунны могли добраться до отдаленной точки, стремительно атаковать, чтобы разбить силы противника или произвести грабеж, и отступить, не опасаясь реакции противника, какой бы она ни была. Такова вполне обычная тактика любого рейда. Конные войска гуннов и других конных лучников-степняков обладали преимуществом в скорости 2 к 1, поскольку в них на одного человека приходилось несколько лошадей; поэтому они могли совершать рейд целыми армиями и достигать соответствующих результатов, причем не только в количественном, но и в качественном смысле; рейд мог обернуться чем-то совершенно иным: не набегом, а настоящим вторжением. Количество могло перейти в качество, потому что преимущество в скорости было столь велико, что могло перевесить все недостатки на более низком уровне: как тактическом, так и оперативном, считает Эдвард Люттвак [15, 54–58].

Не совсем согласен с Эдвардом Люттваком. Во-первых, исходя из записей средневековых путешественников, передвижение войск государств оседлых народов на повозках, запряженных во-

лами, в весенне-летний период происходило весь световой день. А вечером волы распрягались, и они отдыхали и питались до следующего утра. Так, по воспоминаниям Гильома де Рубрука, путь от Кёльна до Константинополя на повозках занимал сорок дней: «Если бы воинство Церкви пожелало бы пойти к Святой Земле, то было бы очень легко или покорить все эти земли или пройти через них... От Кёльна до Константинополя только сорок дней пути на повозках» [13, 172]. Видимо речь идет о подготовке к очередному крестовому походу на Святую Землю. Расстояние между вышеназванными городами составляет приблизительно 2462 км. И чтобы преодолеть это расстояние за сорок дней со скоростью 4 км/ч, необходимо каждый день находиться в пути не менее 15–16 часов, а то и более. То есть на отдых и пропитание как волов, так и путешественников, оставалось не более 8–9 часов. Таким образом, о передвижении на повозках, запряженных волами, только за 8 часов в день, как утверждает Эдвард Люттвак, не может быть и речи.

Во-вторых, согласно легенде о царице сарматов Амаге, о которой упоминает в своей рукописи «Стратегемы» древнегреческий писатель II века Полиэн, последняя послала скифам приказ воздержаться от нападений на Херсонес, и когда скифы не вняли её предупреждению, она, отобрав 120 наиболее выносливых воинов и дав каждому из них по три коня, пошла с ними в поход. Всадники Амаги проскакали с царицей за сутки 1200 стадий и внезапно оказались перед дворцом скифского царя [43, 284–285]. По мнению Л. В. Фирсова, с которым соглашается и А. В. Симоненко, стадий, которым пользовался Полиэн, равен 155–160 м. [16, 40]. Следовательно, за сутки отряд Амаги проскакал около 190 км. Согласно многим средневековым источникам монголы на своих невзрачных, но достаточно выносливых конях могли проходить в сутки более 100 км, а по некоторым данным начала XIX века (по утверждению Д. А. Милютина) северокавказские абреки преодолевали расстояние до 160 км: «конь доводится

до того, что может в летний день вынести пробег до 150 верст, причем горцы пускаются в путь о двух конях», т.е. с запасным конем [17, 195–196].

Согласно древнетюркским руническим памятникам, войско кок-тюрок под командованием Бильге-кагана зимой 720/721 г. совершило марш-бросок от города Бешбалыка до города Ланьчжоу через пустыню Гоби: «Я (Бильге-каган) прошел с войском, увязая в грязи, через (реку) Кёк-онг. Семь дней (я шел) днем и ночью и пересек огромную пустыню. Я пришел на солончаковые земли. Так как добыча (выкуп) (я достиг) Кечина (Ланьчжоу)» [9, 415]. Если в тексте говорится о конном переходе, а войско кок-тюрок целиком состояло из конницы, за семь суток из Бешбалыка до Ланьчжоу, то расстояние между ними, а именно, между современным уездом Джимсар Синьцзян-Уйгурского автономного района, где находятся развалины города Бешбалык, и городом Ланьчжоу провинции Ганьсу Китая составляет около 1767 км. Выходит, в сутки конное войско кок-тюрок проходило более 252 км, что маловероятно. Если же в тексте имеется в виду проход за семь суток только части пути через пустыню Гоби, то ширина пустыни на этом участке маршрута составляет около 800 км и отсюда следует, что в сутки они проходили более 114 км. Все же думается, что за семь суток кок-тюрки пересекли лишь пустыню Гоби.

Таким образом, скорость передвижения кочевников на своих конях всё же выше, чем рассчитал Эдвард Люттвак. Надо полагать, средняя скорость передвижения конной орды кочевников в течение нескольких дней без остановки (при этом постараться не загнать лошадей) более 100 км в сутки.

Другим важным качеством мобильности кочевников была их выносливость и неприхотливость в еде и воде. Описание Аммианом Марцеллином привычек гуннов, связанных с едой: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней

под свои бедра и дают ему немного попереть... Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду» [5, 538]. Во время походов и перекочевок сарматы довольствовались весьма скромным рационом. Как писал Николай Дамасский: «Савроматы через три дня едят досыта» [4, 105]. В конце XIV века баварский солдат, некий Ганс Шильтбергер, сообщил, что татары Золотой Орды во время быстрых переходов «брали сырое мясо, резали на тонкие кусочки, заворачивали в ткань, укладывали под седла и ехали на них. Проголодавшись, они съедали это мясо» [18, 32]. «Они (т.е. татары) также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения... Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной», – писал Плато Карпини о татарах [13, 30].

Следующим важным фактором мобильности кочевников были их лошади. «Лошади (скифов) легко переносят такие суровые зимы, тогда как мулы и ослы их вовсе не выдерживают», – писал Геродот о скифских лошадях [19, 244]. Кони сарматов были приучены переносить голод и жажду также, как и их хозяева [4, 105]. В классификации разных пород по их пригодности к войне римский историк Публий Флавий Вегеций Ренат, живший на рубеже IV–V веков, отдает гуннской лошади первое место из-за ее терпения, настойчивости и способности долго переносить холод и голод. Согласно описанию Вегеция, гуннские лошади имеют большие крючковатые головы, глаза на выкате, узкие ноздри, широкие челюсти, сильные и жесткие шеи, гривы, свисающие до колен, слишком крупные ребра, изогнутые спины, густые хвосты, очень крепкие берцовые кости, маленькие бабки, широкий размах копыт, вогнутую поясницу. Их тела угловаты, без жира на крестце и мускулов на спине, они, скорее, длинные, чем высокие, животы втянутые, кости крупные. В заключение Вегеций добавляет, что они спокойны, разумны и хорошо выносят раны: «Выносливые

создания, привычные к холоду и морозу, лошади варваров (т.е. гуннов) не нуждаются ни в конюшнях, ни в медицинской помощи» [15, 242].

В войне между Сасанидским Ираном и Византийской империей, пришедшая на помощь императору Ираклию конница его союзников – кок-тюрок в 627–628 годах была на тюркских лошадях. В то время как лошадей Византийской и Сасанидской конницы нужно было кормить фуражом, по крайней мере, зимой, тюркские лошади могли выжить почти в любой местности, где была хоть какая-нибудь растительность, так как могла добывать себе прокорм даже под тонким слоем покрытого настом снега, типичного для ветреной зимней степи. И это было сильным преимуществом над конницей противника считает Эдвард Люттвак [15, 569].

«Если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям Татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у Татар нет ни соломы, ни сена, ни корма» – писал итальянский путешественник Платано Карпини о татарских лошадях [13, 59].

«Качества лошади превосходны: весь день она обходится без пищи, и только ночью пускают ее пастись в поле, не разбирая, попало ли место, покрытое зеленью или с высохшей (растительностью); на рассвете (снова) седлают» – писал китайский путешественник Чжао Хун о монгольских лошадях [8, 621].

Таким образом, выносливость и неприхотливость как всадников, так и лошадей кочевников в сравнении с конницей оседлых народов позволяланомадам достигать высокой мобильности в походах и набегах.

Тактическая сила – это краеугольный камень военного искусства, но исход сражений решается на более высоком, оперативном уровне стратегии, где взаимодействуют друг с другом все силы с обеих сторон и когда сугубо тактические

достижения могут оказаться малозначительными. Последнее относится к тактическому превосходству кочевников: оно повышалось на оперативном уровне благодаря их быстрым манёврам, на которые они были способны в силу своей мобильности, значительно превышающей мобильность тогдашней обученной конницы, считает Эдвард Люттвак [15, 50]. А это достигалось, в том числе, и особым искусством верховой езды, которым обладали кочевники. Аммиан Марцеллин писал о гуннах: «Они словно приросли к своим коням» [5, 539]. Аналогичную мысль развивает галло-римский писатель V века Сидоний Аполлинарий:

«Только дитя, от груди отлучённое, на ноги встанет –

Тут же на спину его буланому! После не скажешь,
Где человек, а где конь: как будто прирос к во-
роному

Всадник. Иные верхом на лошади ездят народы,
Этот – живёт» [15, 51].

Сидоний вполне точно описывает искусство верховой езды степняков, таких как у центрально-азиатских кочевников, которыми мы можем восхищаться и сегодня. В целом они порождены культурой, в центре которой стоял конь, и той практикой, о которой повествует Сидоний: дети начинают ездить верхом, едва научившись ходить, задолго до того, как они смогут сами вскарабкаться на своих низкорослых лошадок.

Для боя важнее всего то, что единство всадника и коня даёт им возможность скакать во время рукопашной схватки, как они делают при преследовании необъезженных лошадей, которых ловят укрюком либо арканом. Всадники и кони настолько доверяют друг другу, что нет никакой угрозы столкновений со смертельным исходом. То же самое искусство верховой езды можно смело приписать и гуннам, чью «чрезвычайную быстроту» передвижений впервые отметил Аммиан Марцеллин, указавший также на следствие этой особенности на оперативном уровне, а именно, благодаря этой особенности гунны могли совершать

манёвры с исключительной скоростью: «В бой они бросаются, построившись клином... Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство тво» [5, 539].

Оперативные методы гуннов, описанные Аммианом Марцеллином, сводятся к плавной последовательности неожиданных действий: отряды воинов быстро передвигались, оказываясь то в пределах досягаемости, то вне них, чтобы то выпустить с безопасного расстояния град стрел, способных тем не менее пробить панцири и другие легкие доспехи, то броситься в ближний бой, если подразделения врага оказались разомкнуты.

Но гуннские всадники, как отметил Аммиан Марцеллин, были вооружены легко: у них не было ни металлических доспехов, ни тяжелых копий, поэтому они могли догнать и конницу, и пехоту, пустившуюся в бегство; кроме того, благодаря их подвижности им были не так страшны засады. Если рядом не было густого леса, скалистых возвышенностей или города с прочными стенами, то смерть или рабство ждали тех, кого гунны побеждали [15, 50–53]. В частности, именно поэтому Аммиан Марцеллин и писал: «Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями» [5, 539]. Сарматская конница была также преимущественно легковооруженной. Это определялось, прежде всего, самим характером кочевого образа жизни, требовавшего мобильности и быстроты передвижения, а также основными принципами стратегии и тактики. «Они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни» – писал Аммиан Марцеллин о сарматах [5, 541].

Вся армия государства Хунну – это по сути огромная, довольно мобильная легковооруженная конная армия. На вооружении этой армии, как указано в китайских летописях, «из оружия дальнего действия имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, – мечи и короткие копья с желез-

ной рукоятью» [3, 34]. Тактика сражения строилась исходя из мобильности, слаженности и взаимодействия, а также боеспособности войск, а именно, вооруженности и подготовленности воинов.

Основу монгольского войска Чингисхана составляла легковооруженная конница. «Оружие же все, по меньшей мере, должны иметь такое: два или три лука, или, по меньшей мере, один хороший, и три больших колчана полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые», – пишет о вооружении монголов Плано Карпини [13, 44]. В то же время монгольские воины в совершенстве владели искусством верховой езды: «Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади... Оттого у них нет пехоты, а все – конница... Лошадей, через год или два после рождения, обучают и объезжают в течение последующих трех лет. И только тогда начинают использовать в деле», – писал Чжао Хун [8, 620–621].

Длительные по расстоянию и скоротечные по времени набеги, когда основными факторами успеха были быстрое внезапное нападение и такой же быстрый отход, не способствовали массовому распространению тяжеловооруженной конницы. Однако роль последних в бою была немаловажной, особенно для преодоления сопротивления сильной пехоты (фаланги или легиона). И это прекрасно понимали кочевники. Поэтому тяжелая конница, не являясь основным видом войска, тем не менее существовала у большинства степных племен раннего железного века, считает А. В. Симоненко [16, 37]. Надо отметить, что тяжелая конница не являлась основным видом войска у кочевников и в более поздние времена. Тому подтверждение тяжеловооруженная конница сарматов или, как её ещё называли, катафракты. Древнеримский историк Тацит о доспехах сарматов писал: «Князья и все наиболее знатные имели это прикрытие, составленное из железных пластинок или очень твердой кожи» [4, 83]. По

мнению А. К. Нефедкина, катафракты не составляли отдельного рода войск сарматов, а были лишь социальной прослойкой и составляли несколько процентов от общего количества сарматов [4, 83]. «Все возмужавшие, которые способны натянуть лук, становятся конными латниками», пишет о хунну в своей работе древнекитайский летописец Сыма Цянь [3, 34]. Называя их «конными латниками», древнекитайский историк указывает на наличие у воинов хунну доспехов кожаных либо металлических. В армии хунну были всадники в кирасах, считает Отто Менхен-Хельфен. В ходе археологических раскопок в Туве в захоронениях шурмакской культуры (II–I вв. до н.э.) были обнаружены железные чешуйки – элементы чешуйчатых доспехов хуннов [18, 264]. Как показывают исследования, самым обычным и, вероятно, ранним типом доспехов в степях был чешуйчатый. На протяжении веков скифы носили чешуйчатые доспехи, изготовленные из кости, бронзы или железа [18, 263].

Сидоний Аполлинарий и Прокопий Кесарийский утверждали, что гунны были «людьми с железными кирасами». Сидоний так описывает дуэль между римлянином Авитом и гунном: «Поднялось копье и пронзило этого кровожадного человека (т.е. гунна); его грудь была пробита, а панцирь расколот надвое, треснув даже там, где он прикрывал спину» [18, 266]. Приск Панийский, описывая посольство ко двору Атиллы, писал, что шут Зеркон сопровождал в походах правителя гуннов Бледу в полных доспехах [18, 268].

«Они (авары) вооружены панцирями, мечами, луками и копьями, при этом многие из них в сражениях используют двойное вооружение: неся копья за плечами и держа луки в руках, они используют их попеременно, по мере складывающейся необходимости. Защитное вооружение есть не только у них самих, но и лошади их знати имеют защиту передней части, изготовленную из железа или войлока» писал об аварах в своей работе «Стратегикон» император Византийской империи Маврикий [20,

186]. Ему вторит другой император Византии Лев Мудрый, описывая тюркских воинов в своем труде «Тактика»: «Они (тюрки) вооружены мечами, кольчугами, луками и копьями. При этом многие из них используют двойное вооружение: неся копья за плечами и держа луки в руках, они используют их попеременно, по мере складывающейся надобности. Защитное вооружение есть не только у них самих, но и лошади их знати имеют спереди защиту, изготовленную из железа или войлока» [21, 275]. О наличии тяжеловооруженных всадников у монголов пишет и Платон Карпини: «У них (т.е. у богатых) есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голени, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи» [13, 44]. Таким образом, можно говорить о наличии тяжеловооруженной конницы у кочевников, однако, она составляла небольшой процент от общего количества степняков, так как костяк этой конницы составляли знатные и богатые номады, которые могли приобрести доспехи для себя и своего коня.

Время для совершения набегов, по мнению А. К. Нефедкина, сарматы, а также гунны, печенеги, половцы выбирали зиму по причине того, что, во-первых, замерзли реки и их свободно можно было форсировать коннице кочевников, т.к. кочевники не имели средств для переправы рек. Во-вторых, в данный сезон года армии оседлых народов расходились на зимние квартиры и некому было защищать территории. В-третьих, зимой западные сарматы откочевывали на юг Причерноморья к берегам Дуная, т.е. ближе к границе Византийской империи. В-четвертых, зимой сарматы испытывали большие трудности с кормами для скота, что отражалось на продуктивности домашних животных [4, 90–91].

Не совсем согласен с данным утверждением автора. Во-первых, согласен, что легче форсировать реки по льду, нежели чем по воде. Но это не говорит о том, что кочевники не могли форсировать водные глади рек и это было причиной совершения набегов именно зимой. Кочевники в ходе миграции и пере-

гона скота успешно преодолевали реки, попадавшие им на пути. А в ходе набегов успешно форсировали такие широкие реки как Волга, Днепр, Дунай. Так Аммиан Марцеллин описывает набег квадов (сарматов) на византийцев осенью во время сбора урожая: «Перейдя через Дунай в такую пору, когда не ожидали враждебных действий, варвары напали на сельское население, занятое сбором жатвы, перебили большую часть, а оставшихся в живых увели вместе с множеством различного скота» [5, 503]. В 441–447 гг. гунны Аттилы успешно форсировали Дунай и не только зимой, совершая свои набеги на территорию Византийской империи. Свой поход на Запад, завершившийся битвой на Каталаунских полях, Аттила совершил летом 451 года, форсируя с войском по ходу движения Рейн и другие реки Западной Европы [15, 68–70]. Так в своих воспоминаниях Анна Комнина писала, как печенеги, посланные императором Византии в Малую Азию, дошли до Митилены. Однако на своем военном совете кочевники решили вернуться обратно. Дойдя до берега Константинопольского пролива (пролива Босфор), они увидели, что судов, перевезших их на азиатский берег, нет. Тогда один из князей, Каталейм, бросился с конем в воду. Его примеру последовали остальные, и они благополучно достигли противоположного берега [22, 193]. При форсировании рек печенеги применяли турсуки – кожаные мешки, набитые тростником или соломой. На турсуке сидел воин и держал за хвост плывущей лошади. Форсирование крупных водных преград большими массами конницы происходило довольно быстро, считает Е. А. Разин. [23, 65].

В воспоминаниях Анны Комниной также описана переправа кочевников-куманов (половцев) через реку: «Они преследовали их в течение трех суток, но видя, что куманы на кожаных плотах, которые они несли с собой, переправились через реку, протекающую за Данувием, вернулись ни с чем к самодержцу» [11, 397].

По-видимому, о тех же кожаных плотах повествует и путешественник Плано Карпини, с помо-

щью которых форсировали реки в ходе своих набегов монголо-татары в XIII веке: «Когда же они добиваются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью человека, который бы управлял лошадью... Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок сверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше» [13, 46]. Монголы переправлялись через водные преграды как сами, так и вместе с большими табунами лошадей. Кочевники переправляли свое имущество с помощью больших кожаных мешков, причем воин плыл рядом со своей лошадью, а остальные лошади табуна следовали за ними [17, 194–195].

Во-вторых, не всегда армии оседлых народов расходились по зимним квартирам и некому было защищать территории. Сам автор приводит отрывки из римского историка Диона Кассия о том, как римляне разбили конных сарматов (языгов) во время их набега через Дунай зимой 173/174 года [4, 127].

В-третьих, А. К. Нефедкин утверждает, что зимой домашний скот кочевников страдает от бескормицы, а потому в это время года степняки совершают свои набеги, и при этом автор ссылается на императора Византийской империи Маврикия, который рекомендует нападать на гуннов в феврале-марте, когда кони кочевников худеют от нехватки корма, добываемого ими из-под снега,

и тогда номады менее маневренны. О недостатках кормов зимой для скота в южных степях Причерноморья, куда откочевывали кочевники, не приходится говорить, так как ввиду мягкой зимы и отсутствия снежного покрова, они не испытывали недостатка в кормах. «Где бы они (сарматы) не проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек», – писал Аммиан Марцеллин [5, 541]. Чего не скажешь о кочевниках Центральной Азии, где господствует суровый континентальный климат и зимой температура порой падает до –50 градусов по Цельсию, а толстый снежный покров порой не позволяет добывать травы животным и создает определенные трудности для прокорма скота. И это при том, что кони кочевников более выносливы и приспособлены добывать себе корм из-под снега. В этот период времени совершать набеги для кочевников Центральной Азии было довольно сложно. Рекомендации же императора Маврикия относятся к походу против кочевников зимой. Кстати, в качестве примера автор, полагая, приводит поход объединенных войск древнерусских князей под руководством великого киевского князя Святополка в феврале-марте 1111 года против половцев [4, 92], описанный в Ипатьевской летописи, где марш-бросок из Киева, где начинался поход, до городка Хорол войско совершило за 6 дней, где оставили сани и дальше двинулись в степи походным порядком [24, 266]. Если расстояние между вышеуказанными городами около 240 км, передвигались в основном в светлое время суток, а световой день в это время года и на этих широтах около 11 часов, то скорость передвижения войска составляет около 3,6 км/ч. Далее их путь пролегал не по заснеженной степи, раз сани они с собой не взяли, оставив их в Хороле [17, 95], а потому скорость передвижения была и того ниже. Поэтому мнение А. К. Нефедкина о том, что в битве с древнерусским войском из-за снежного покрова степняки были менее манев-

ренными, не выдерживает критики [4, 92]. Причиной поражения кочевников в той битве была не слабая маневренность номадов, а неверно выбранная ими тактика боя.

По мнению И. В. Ерофеевой время набегов у всех кочевых народов Центральной Азии связано с их скотоводческой деятельностью и режимом кочевания. Военные походы в Джунгарское ханство в XVII–XVIII веках казахи, чаще всего, совершали в зимнее время или ранней весной. Выбор времени военного похода определялся сроками их сезонных перекочевок, т.е. время набега назначалось на две-три недели ранее постоянной даты их сезонных перекочевок, т.к. сразу по окончании боевых действий кочевники могли подключиться к процессу кочевания по той лишь причине, что у номадов воин и скотовод сочетались в кочевых сообществах в одном лице, считает И. В. Ерофеева [25, 96].

С этим утверждением трудно согласиться по той лишь причине, что ойраты, составляющие основу Джунгарского ханства, были такими же кочевниками, как и казахи. И всё, о чем рассуждает автор о казахах также применительно и к ним – ойратам. Тогда выходит, что все военные походы казахов и ойратов друг против друга проходили в зимне-весенний период времени? Нет, конечно. Согласно истории казахско-джунгарских войн, боевые действия между ними охватывали весь временной цикл года. Так как целью этих войн был, как раз-таки, захват новых кочевых территорий друг у друга, а захват добычи и скота был сопутствующим призом этой войны [26, 111].

Кочевники совершали набеги в удобное для них время, когда были готовы к нападению, в независимости от времени года. И не было какого-то сезонного ограничения для них. Все это подтверждается и в описаниях Анны Комниной: «Император рассудил совершенно правильно и принял во внимание обычай варваров: ведь скифские набеги (здесь скифами названы печенеги и огузы), в какое время года они бы ни начались, не

прекращались в следующем и, случаясь, например, летом, не кончались осенью или даже зимой. Это бедствие не было ограничено кругом одного года, в течение нескольких лет скифские набеги приводили в волнение Ромейское государство, я же упомянула лишь о некоторых из них» [11, 205].

Список литературы:

1. История военного искусства. Учебник для военных академий Советских Вооруженных Сил. – Москва, «Военное издательство», 1984.
2. Карл фон Клаузевиц. О войне. – Москва, Государственное Военное Издательство, 1934.
3. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. – Москва, «Наука», 1968.
4. Нефёдкин А. К. Военное дело сарматов и аланов. – Санкт-Петербург, «Historia militaris». 2011.
5. Аммиан Марцеллин. Римская история. – Москва, «Ладомир», 2005.
6. Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. – Баку, «Элм», 1993.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Москва, «Наука», 1989.
8. Чингисиана. Свод свидетельств современников. – Москва, «Эксмо», 2009.
9. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – Санкт-Петербург, «Наука», 2006.
10. Гасанов З. Г. Царские скифы. – Нью-Йорк, «LIBERTY», 2002.
11. Анна Комнина. Алексиада. – Москва, «Наука», 1965.
12. Эдвард Н. Люттвак. Стратегия: логика войны и мира. – Москва, «Университет Дмитрия Пожарского», 2015.
13. Путешествия Плано Карпини и Гильома Рубрука. – Алматы, «Гылым», 1993.
14. Агаев Ю. Ш., Ахмедов С. А. Военное искусство тюрков в огузском эпосе «Китаби Деде Горгуд». – Баку, «OL», 2014.
15. Эдвард Н. Люттвак. Стратегия Византийской империи. – Москва, «Университет Дмитрия Пожарского», 2012.
16. Симаненко А. В. О военном деле сарматов Северного Причерноморья. Роль номадов Евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Сборник материалов Международной научной конференции г. Алматы 22–23 апреля 2010 г. – Алматы, «Lem», 2010.
17. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. – Москва, «АСТ», 2004.
18. Отто Д. Менхен-Хельфен. История и культура гуннов. – Москва, «Центрполиграф». 2014.
19. Геродот. История. – Москва, «Ладомир», 2002.
20. Стратегикон Маврикия. Издание подготовил В. В. Кучма. – Санкт-Петербург, «АЛЕТЕЙЯ», 2004.
21. Тактика Льва. Издание подготовил В. В. Кучма. – Санкт-Петербург, «АЛЕТЕЙЯ», 2012.
22. Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы. Русь и степь до нашествия татар. – Москва, «Вече», 2013.
23. Разин Е. А. История военного искусства средневековья. – Москва, «Вече», 2016.
24. Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись. – Санкт-Петербург, Типография М. А. Александрова, 1908.
25. Ерофеева И. В. Феномен «скифской тактики» ведения боевых действий в истории казахско-джунгарских войн: экологические аспекты военного искусства номадов. Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции г. Алматы 21–23 ноября 2007. – г. Алматы, «Дайк-Пресс», 2008.
26. Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. – Алматы, «Дайк-Пресс», 2001.

27. Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве.– Москва, «АСТ», 2002.
28. Гумилев Л. Н. История народа хунну.– Москва, «АСТ», 2004.
29. Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан).– Москва, «Художественная литература», 1956.
30. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV-первая половина XVIII в.).– Санкт-Петербург, «Филологический факультет СПбГУ», 2008.
31. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк.– Алматы, «Дайк-Пресс», 2005.
32. Древнетюркский словарь.– Ленинград, «Наука», 1969.
33. Фазлаллах Рашад ад-Дин. Огуз-намэ.– Баку, «Элм», 1987.
34. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии.– Новосибирск, «Наука», 1989.
35. Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы.– С.-Петербург, «Петербургское востоковедение», 2004.
36. Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Правила ведения войны и мужество.– Душанбе, «Министерство обороны Республики Таджикистан», 1997.
37. Гумилев Л. Н. Древние тюрки.– Москва, «Клышников-Комаров и К». 1993.
38. Стеблева И. В. Жизнь и литература доисламских тюрков.– Москва, «Восточная литература», 2007.
39. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма.– Алматы, «Мектеп», 2003.
40. Нефедов С. А. Монгольский лук и монгольские завоевания. Сборник материалов Международной научной конференции г. Алматы 22–23 апреля 2010 г.– Алматы, «Lem», 2010.
41. Константин Д” Оссон. История монголов от Чингисхана до Тамерлана.– Алматы, «Санат», 2003.
42. Рыбаков В. М. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»).– Санкт-Петербург, «Петербургское востоковедение», 2001.
43. Полиэн. Стратегемы.– Санкт-Петербург, «Евразия», 2002.